«РЕАЛЬНЫЙ МИР» И «ВОЗМОЖНЫЕ МИРЫ» В АНЕКДОТЕ С ФОНОВЫМИ ЗНАНИЯМИ

А. П. Бабушкин

Воронежский государственный университет

Поступила в редакцию 3 октября 2016 г.

Аннотация: *статья рассматривает интерпретацию анекдотов, содержащих фоновые знания, в координатах «возможных миров».*

Ключевые слова: *анекдот, пресуппозиция, «реальный мир», «возможный мир», отношения между мирами, архитектура анекдота.*

Abstract: *the article considers interpretation of canned jokes, containing background knowledge, in the coordinates of «possible worlds».*

Key words: *canned joke, presupposition, «real world», «possible world», relations between the two worlds, composition of a canned joke.*

По определению А. М. Ломова, фоновые знания говорящих – это «знания, сопутствующие речевому общению и необходимые коммуникантам для того, чтобы коммуникация была успешной» [1, с. 384].

Сущность фоновых знаний ученый иллюстрирует на примере известного анекдота про Иванушку Дурачка, который захотел, чтобы пойманная им волшебная щука (в духе улова простака Емели) сделала его царем. Заснул Иван, а на утро – ему: «Ваше величество, пожалуйста в подвал фотографироваться» [1, с. 384].

Комментируя этот анекдот, автор указывает на необходимость предварительных знаний русского фольклора (не одного, а целого ряда произведений устного народного творчества), чтобы понять, каким Иванушка Дурачок предстает в сказках, так как в предложенном варианте курьезной истории он действительно выглядит не таким уже «традиционно» сметливым. Об этом свидетельствует подтекст анекдота, балансирующего на грани смешного и трагического, – последнего русского императора Николая II подвергли расстрелу в подвале Ипатьевского дома в Екатеринбурге, приказав царю и членам его семьи спуститься вниз, где, якобы, их ждал фотограф. Вполне понятно, что без знания этих подробностей, данная шутка могла бы быть неверно истолкована.

«Без фоновых знаний о мире, – пишет В. В. Петров, – невозможно общение» [2, с. 7].

Без фоновых знаний о мире, добавим мы, многие произведения смехового жанра (термин Г. Г. Слышкина) [3, с. 50] могут остаться вещью в себе.

Однако для целей нашей статьи особую важность имеет итоговое замечание А. М. Ломова о том, что

фоновые знания должны рассматриваться как особая разновидность пресуппозиции. Сам составитель «Русского синтаксиса в алфавитном порядке» дает трактовку этого понятия, относя пресуппозицию к знаниям, которые известны участникам общения и которые делают речь осмысленной и адекватно воспринимаемой [1, с. 244].

Эти знания могут соотноситься с действительными событиями, явлениями, с тем, что на самом деле произошло, происходит, существует, т.е. касаться положения дел в реальном мире [4, с. 38]. В философской терминологии действительность обычно противопоставляется всему кажущемуся, мнимому или просто возможному [5, с. 127]. Это воображаемое, мыслимое, допустимое способно также формировать пресуппозицию [4, с. 38], предполагающую выход в особое ментальное пространство, которое в модальной логике, а затем и в лингвистике получило название «возможных миров».

О связи пресуппозиции и «возможных миров» говорят лингвисты, работающие как в сфере логического анализа естественного языка [6, с. 247], так и в области лингвистической прагматики [7, с. 306–307].

Понятие «возможных миров» наиболее четко определил финский логик Я. Хинтика, приравняв «иномирие» к возможному положению дел [8, с. 39], тем самым сняв иллюзорное представление о «возможном мире» как о физически существующем. Сравните это положение с позицией Дж. Сёрля и Д. Вандервекена, в свое время писавших: «Технический термин «язык миров» мы выбрали потому, что он дает нам возможность впоследствии говорить о «возможных мирах», то есть о том, как могли бы обстоять дела, не только в действительном мире» [6, с. 242]. Из такой постановки вопроса следует важный

вывод: «возможный мир» w' достижим из мира w [6, с. 245], т.е. они сопредельны.

На сегодняшний день сама проблема «возможных миров» достаточно изучена [8–11], хотя, смеем надеяться, что «возможные миры» в смысловом пространстве анекдота еще не являлись предметом отдельного исследования.

Сформулируем основной тезис наших дальнейших рассуждений. Итак, план содержания произведений смехового жанра, содержащих фоновые знания, – это информационное пространство двух сопряженных между собой миров, один из которых – «реальный мир», восходящий к общественно-политическим, историческим, культурным фактам или коллективному житейскому опыту, другой – воспринимается в качестве одного из вариантов «возможных миров», представляемого с платформы карнавального сознания (о термине «карнавальное сознание» см.: [3, с. 50]).

В типологию «возможных миров» включаются их видовые ветвления, как то: «мир воображаемых перспектив», «мир упущенных возможностей», «мир сомнений, догадок и гипотетических допущений», «ирреальный мир», «параллельный мир», «мир возможных альтернатив», «мир чужих ролей», «антимир» и некоторые другие [9]. В этом ряду найдет свое место и «мир небылиц *cum grano salis*» – лат. «с крупичей соли», т.е. с присущим остроумием и иронией.

Нет сомнений, что в науке о языке «возможные миры» становятся предметом исследования только тогда, когда они вербализуются.

Если, по А. Д. Шмелеву, художественное произведение апеллирует к вымышленной действительности (ученый повторяет термин «притворство», введенный в научный оборот Д. Льюисом, – писатель как бы притворяется, что повествует о реальном мире, хотя в тексте произведения он выглядит именно таким [12, с. 115–116]), то в анекдоте претензия на реальность лишена всяких оснований. Сюжет анекдота а priori предстает как веселая выдумка, «чистой воды» вымысел, даже если в нем на первый взгляд нет ничего фантазмагорического.

Именно поэтому смысловое пространство рассматриваемых нами шуток – это заведомо «возможный мир» и одновременно – «невозможный» (в смысле его потенциальной бытийности), так как описываемые в них анекдотические события не выходят за границы ментальности.

Поясним методику проводимого ниже анализа. Каждый воспроизводимый нами анекдот сопровождается описанием заключенного в его рамки, но эксплицитно не выраженного «реального мира», на фоне которого вербализуются «возможные миры» той или иной юмористической миниатюры. Затем следу-

ет главное – установление соотношений «реального» и «возможного» мира с целью выявления целого ряда связей, существующих между этими двумя смысловыми пространствами. Что же касается заложенного в каждом случае комического эффекта, то он отдается «на откуп» читателю, так как «разложение анекдота по полочкам» лишает его эвристической ценности. Перейдем к изучению языкового материала, отобранного нами по различным сборникам произведений смехового жанра.

I

– *Здравствуйте! Мы проводим социологический опрос. Скажите, пожалуйста, где бы Вы хотели провести отпуск?*

– *В 1972 году.*

«Реальный мир» – это современное социально-экономическое состояние российского общества, порой испытывающего ностальгию по безвозвратно ушедшей эпохе (1972 г. выступает в качестве «иного мира», так как историю нельзя повернуть вспять).

Здесь «реальный» и «возможные» миры находятся в отношении сравнения.

II

Недолго проработала на Западе Алла Е., клонувшая на газетное объявление о наборе девушек-посудомоек. Каково же оказалось ее возмущение, когда после пересечения границы у нее не отобрали, как это заведено, паспорт и не продали в заграничный бордель, а действительно привезли в ресторан и заставили мыть грязную посуду.

Не секрет, что недобросовестные агентства иногда предоставляют ложную информацию о характере работы за рубежом, на деле превращая наших наивных соотечественниц в «живой товар».

Этот фрагмент «действительного мира» и «возможный мир» анекдота сопоставляются в режиме «обманутого ожидания».

III

Сидят мужики, выпивают. Один говорит:

– *Я своего кота назову Пенопласт. Сколько раз ни топил – все равно всплывает.*

Другой: – А я своего – Бумеранг. Куда его ни забросишь – все равно возвращается.

Третий: – А мы своего называем Джордано Бруно.

Остальные хором: – Да вы садисты.

– *Да нет же, он просто на звезды смотреть любит.*

На этот раз выстраивается аллюзия к жизни итальянского философа эпохи Возрождения, который в 1600 г. был сожжен на костре за передовые для своего времени научные воззрения, сформировавшиеся под влиянием учения Коперника о строении Вселенной.

«Реальный мир» получает свою интерпретацию в двух параллельно существующих «возможных мирах».

IV

Работник туристического агентства:

– Мы нашли тот самый маршрут, по которому ходил Иван Сусанин.

Турист:

– Да врете, небось.

– Это абсолютно точно. Второй уже год управляем группы, ни одна не вернулась.

Широко известен случай о том, как костромской крестьянин, вызвавшийся быть проводником, завел в непроходимое болото отряд польских завоевателей, где они и погибли.

В анекдоте усматривается аналогия «возможного мира» – «реальному».

V

Одна женщина проработала 20 лет в Москве на самоварном заводе, но за это время так и не смогла приобрести себе самовар. Отчаявшись, она пишет письмо в ЦК КПСС: «Я проработала уже 20 лет на самоварном заводе, но у меня до сих пор нету самовара».

К удивлению, через какое-то время приходит ответ: «Уважаемая! К сожалению, ЦК не может Вам помочь в приобретении самовара. Но учитывая Ваш стаж работы и Ваши заслуги, мы разрешаем Вам в виде исключения брать с работы по одной детали в день домой и собрать себе самовар самостоятельно».

Через два года женщина снова пишет письмо в ЦК КПСС: «Я в отчаянии. Я все сделала, как Вы написали. Я каждый день приносила домой по одной детали. И что я имею в результате? В моем огороде стоят две ракеты СС20, но у меня все также до сих пор нет самовара».

В «реальном мире» работники промышленных предприятий бывают заняты изготовлением деталей оборонного значения, выполнением оборонных заказов, хотя этот факт обычно не афишируется. Здесь анекдот имплицитно реконструирует «реального мира» в обстоятельствах «возможного».

VI

На госэкзамене студенту-медику показывают два скелета и предлагают рассказать о них. Он затрудняется с ответом. Преподаватель:

– Стыдно, батенька! Ведь Вам о них шесть лет рассказывали!

Студент:

– Как? Неужели это Маркс и Энгельс?

В некогда бытовавшем «реальном мире» учебный процесс был основательно политизирован: читались курсы истории партии, исторического и диалектиче-

ского материализма, политэкономии капитализма, политэкономии социализма и научного коммунизма, в процессе овладения которыми студенты занимались изучением работ классиков марксизма.

В приведенной выше миниатюре «реальный» и «возможный» миры находятся в отношении основания и следствия (по принципу: Если нам шесть лет рассказывали о Марксе и Энгельсе, то...).

Следует особо подчеркнуть, что в шутках подобного рода объектом иронии становятся отнюдь не сами исторические реалии, а их проекции на вымышленные ситуации. В свете первых именно они становятся достоянием «индустрии смеха».

В том же ключе предстают и два следующих анекдота.

VII

Два выпускника после ЕГЭ:

– Ты на сколько вопросов ответил?

– Ни на один.

– Ну и на что же ты надеешься?

– На плоскостопие и плохое зрение.

Пояснение к этому шутивому диалогу заключается в том, что плоскостопие и близорукость входят в перечень медицинских показаний, освобождающих молодых людей от призыва в армию.

VIII

Аэропорт. Пассажиры ждут у трапа посадки. Из самолета выходит уборщица, подмышкой стопка газет, которые она собирала под сидениями. Крик из толпы:

– Ну вот, все газеты собрала, что же мы в полете читать будем?!

Уборщица:

– Молитвы.

Пресуппозицией в этом анекдоте является тот факт, что в парке наших авиалайнеров иногда встречаются самолеты, выработавшие свой рабочий ресурс, что делает воздушные путешествия небезопасным.

IX

Имеются анекдоты и такого плана:

В салоне красоты.

– Мне маникюр, пожалуйста, как у Бритни Спирс, макияж, как у Анджелины Джоли, педикюр как у Наоми Кэмпбелл...

– А лицо как у Жерара Депардье оставляем?

В приведенном выше произведении малых форм знания о мире сводятся к визуальным характеристикам. Между «реальным» и «возможными» мирами устанавливаются отношения уподобления.

X

И примерно о том же:

Новобрачный рассказывает друзьям о жене:

– Она прелесть! Она как картинка!

Входит новобрачная – зубы вкривь, глаза вкось, волосы как проволока. Супруг замечает недоуменные взгляды друзей и говорит с горечью:

– Конечно, если вы не любите Пикассо...

Подтекст этого шуточного рассказа усматривается в манере живописи Пабло Пикассо – одного из сподвижников кубизма и других стилей абстрактного искусства.

«Реальный» и «возможный» миры, как и в предыдущем случае, находятся в отношении визуального подобия.

Таким образом, определяя виды отношений, существующих между «реальным» и «возможным» мирами в анекдоте с фоновыми знаниями, мы выявляем архитектонику, а через композицию – замысел его создания.

Знакомый факт или известное событие, имевшие место в действительности, способны послужить источниками их карнавализации, по разным направлениям преломляясь в «возможных мирах» авторской фантазии, нацеленной на достижение комического эффекта с позиции «здесь и сейчас».

В заключение сделаем еще одно важное замечание. Соотношение «реального» и «возможного» мира в анекдоте открыты для анализа только тогда, когда заложенные в нем фоновые знания не подвержены забвению. В качестве доказательства приведем еще одну иллюстрацию, почерпнутую нами из книги «Анекдоты старинной жизни».

Однажды на большом обеде поэт Александр Петрович Сумароков спросил у присутствующих:

– Что тяжелее: ум или глупость?

Ему ответили:

– Конечно, глупость тяжелее.

– Вот, вероятно, оттого батюшку моего и возят цугом в шесть лошадей, а меня – парой.

Чтобы анекдот был понятен современному читателю, составитель вербализует пресуппозицию следующим пояснением, дополняя им текст анекдота: отец Сумарокова имел чин бригадира, что давало право ездить в шесть лошадей. Штаб-офицеры ездили четверкой с фореитором (верховым, сидящим на передней лошади), а обер-офицеры – парой. Сумароков был тогда обер-офицером.

Следовательно, без сопутствующих комментариев данный рассказ действительно мог бы претендовать на статус «вещи в себе».

Предположим, что то же самое можно сказать об анекдоте на любом иностранном языке, который апеллирует к фоновым знаниям, известным только носителям данного языка.

ЛИТЕРАТУРА

1. Ломов А. М. Русский синтаксис в алфавитном порядке : понятийный слов.-справочник / А. М. Ломов. – Воронеж : Издательство Воронежского государственного университета, 2004. – 400 с.

2. Петров В. В. Язык и логическая теория / В. В. Петров // Новое в зарубежной лингвистике. Логический анализ естественного языка. – М. : Прогресс, 1986. – С. 5–23.

3. Слышкин Г. Г. От текста к символу : лингвокультурные концепты прецедентных текстов в сознании и дискурсе / Г. Г. Слышкин. – М. : Academia, 2000. – 128 с.

4. Арутюнова Н. Д. Истоки, проблемы и категории прагматики / Н. Д. Арутюнова, Е. В. Падучева // Новое в зарубежной лингвистике. – Вып. XVI: Лингвистическая прагматика. – М. : Прогресс, 1985. – С. 8–42.

5. Краткая философская энциклопедия / ред.-сост. Е. Ф. Губский, Г. В. Кораблева, В. А. Лутченко. – М. : Прогресс, 1994. – 576 с.

6. Сёрль Дж. Основные понятия исчисления речевых актов : [пер. с англ.] / Дж. Сёрль, Д. Вандервексен // Новое в зарубежной лингвистике. Логический анализ естественного языка. – Вып. 18. – М. : Прогресс, 1986. – С. 242–263.

7. Карттунен Л. Логика английских конструкций с сентенциальным дополнением : [пер. с фр.] / Л. Карттунен // Новое в зарубежной лингвистике. Лингвистическая прагматика. – Вып. 16. – М. : Прогресс, 1985. – С. 276–302.

8. Хинтиikka Я. Логика в философии – философия логики : [пер. с англ.] / Я. Хинтиikka // Логико-эпистемологическое исследование : сб. науч. ст. – М. : Прогресс, 1980. – С. 36–37.

9. Бабушкин А. П. «Возможные миры» в семантическом пространстве языка / А. П. Бабушкин. – Воронеж, 2001. – 86 с.

10. Кретов А. А. Невозможное в русском языке / А. А. Кретов // *Linguistica Silesiana*. – 1993. – № 15. – С. 123–131.

11. Целищев В. В. Философские проблемы семантики возможных миров / В. В. Целищев. – Новосибирск : Наука (сибирское отделение), 1977. – 191 с.

12. Шмелев А. Д. Суждения о вымышленном мире : референция, истинность, прагматика / А. Д. Шмелев // Логический анализ языка. Истина и истинность в культуре и языке. – М. : Наука, 1995. – С. 115–122.

ИСТОЧНИКИ

13. Исторические анекдоты из русской жизни. – М. : Захаров, 2004. – С. 464.

14. Самые свежайшие анекдоты / сост. Е. В. Маркина. – М. : АСТ, 2015. – 575 с.

15. Веселый календарь. – Кострома : Кострома, 2016. – 367 с.

16. Отборные свежайшие анекдоты. – М. : АСТ, 2016. – 316 с.

*Воронежский государственный университет
Бабушкин А. П., доктор филологических наук, профессор кафедры английского языка гуманитарных факультетов
E-mail: babushkin@rgph.vsu.ru
Тел.: 8 (473) 220-84-41*

*Voronezh State University
Babushkin A. P., Doctor of Philology, Professor of the English Language for Humanities Department
E-mail: babushkin@rgph.vsu.ru
Tel.: 8 (473) 220-84-41*